

А. Н. Ливанова

ПРОСТРАНСТВО СКАЗОК АНДЕРСЕНА В НОРВЕЖСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Они узнали друг друга по языку, хотя датский и норвежский языки, по словам норвежской тряпки, так же различны, как французский и еврейский.

Ханс Кристиан Андерсен. «Тряпье»

Переводить произведения Ханса Кристиана Андерсена на норвежский язык начали давно, несмотря на близость языков — букмола и датского, позволяющую норвежцам свободно читать на датском языке сейчас, а тем более в конце XIX — начале XX в., когда букмол еще называли датско-норвежским, а реформы орфографии не отдалили один язык от другого визуально. Литературный критик Эйстейн Роттем считал даже, что переводы в ситуации с этой парой языков скорее должны быть излишни. Так оно, в общем-то, и есть. На встрече министров культуры северных стран, состоявшейся в 1996 г. в Копенгагене, сообщалось, что больше всего книг скандинавских авторов на языке оригинала продается именно в Норвегии¹. «Принято говорить о датско-норвежской общелитературной среде начиная с XVI в. и до расторжения унии в 1814 г. Мне кажется, большинство литературоведов ошибаются относительно этого. На самом деле

¹ Aftenposten от 4.12.96.

общелитературная эпоха простиралась до самого 1925 г., когда было создано норвежское издательство “Гюльдендал”»². И дальше там же: «Сколько датских писателей тебе известно? Людвиг Хольберг по происхождению норвежец. Ханс Кристиан Андерсен да Петер Хёг». Но не благодаря ли многочисленным переводам так хорошо известен в Норвегии Андерсен?

Первое переложение (слово «перевод» в этой связи не употребляли вплоть до Второй мировой войны) сказок Андерсена сделал известный писатель Габриэль Скотт (på norsk ved Gabriel Scott) в 1917 г.³ Это переложение выдержало ряд переизданий. Несколько позже переводом андерсеновских сказок занялся еще один норвежский писатель, Оскар Бротен⁴.

Среди тех, кто впоследствии переводил сказки Андерсена на норвежский язык, следует упомянуть Йенса Мёрлана (Jens Mørland), бывшего председателем Союза сторонников риксмолы (Riksmålsforbundet) в 1918–1919 гг. и выпустившего два тома переводов из Андерсена в 1926–1927 гг., Ханса Бровига (Hans Braavig), писательницу, педагога и заметного деятеля культуры Ингеборг Рефлинг Хаген (Ingeborg Refling Hagen), выдающегося современного переводчика с полутора десятков языков Хьелля Рисвика (Kjell Risvik). Из-за близости датского языка норвежскому переводы делались в основном в расчете на детей, потому из всего четырехтомного сказочного наследия переводили практически одни и те же, самые популярные сказки⁵.

Переводили Андерсена, конечно, потому, что норвежцы, не будучи исключением, очень полюбили андерсеновские сказки. Сказки Андерсена публиковались даже в оккупированной немцами Норвегии: переводы Бровига выходили в 1941, а Мёрланна — в 1942 г.⁶ Весь 2005 год Норвегия с энтузиазмом участвовала в мероприятиях, по-

² Писатель и литературный критик Эйстейн Роттем (Øystein Rotttem) в интервью газете «Классекампен» от 5 марта 2002 г. Здесь и далее — перевод автора статьи.

³ Rindal M., Egeberg E., Formo T. Brobyggere. Oversettelser til norsk fra middelalderen til i dag. Oslo, 1998. S. 90.

⁴ Nattergalen og andre eventyr / På norsk ved Oskar Braaten. [S. d.], 1927.

⁵ Об этом см. в статье: Quentel G. The Translation of H. C. Andersen's Fairy Tales in the European Literary Scene // Ri.L.Un.E. 07.2006. N 4. http://www.rilune.org/mono4/Quentel_Rilune4_2006.pdf. В то же время автор статьи заблуждается, утверждая, что переводов немного и они стали появляться лишь совсем недавно.

⁶ Oxfeldt E. Slagere og overraskelser — flott H. C. Andersen-utvalg med fine illustrasjoner. <http://www.barnebokkritikk.no>.

священных 200-летию со дня рождения великого сказочника. Хотя любовь норвежцев к автору этих сказок долго была лишена взаимности.

Андерсен не особенно лестно изобразил северных соседей в сказках «Волшебный холм» (1845) и вышедшей двадцатью годами позже сказке «Тряпье»: он показал их невоспитанными и надменными. Первые встречи писателя с норвежцами немало поспособствовали тому, чтобы у него сложилось именно такое представление. Андерсена связывали непростые отношения с его учителем в школе для бедных в Оденсе, К. Ф. Вельхавеном, дядей норвежского поэта Юхана Себастьяна Вельхавена. Когда же в 1835 г. Андерсена посетил сам Вельхавен, он, едва увидев хозяина, воскликнул: «Фу, какая ужасная внешность у датских поэтов. Один страшнее другого!»⁷. Только личная дружба с Бьернстjerne Бьернсоном и скрипачем Уле Бюллем все же побудили его на старости лет, в 1871 г., посетить их прекрасную родину. Этот визит, как свидетельствуют дневниковые записи Андерсена, развеял его предвзятое отношение к Норвегии⁸. Норвежские переводчики сказок Андерсена стремились передать в языке те нюансы, которые могли ускользнуть от внимания читателя, в особенности читателя детского возраста, из-за имеющихся различий между двумя языками в лексике, но и не только в ней. Казалось бы, задача не слишком трудная. Однако сравнение переводов показывает, что это не совсем так. Если вообще именно различия в лексике бывают заметны и легко определимы, то в том, что касается ряда лексико-семантических полей, связанных с базовыми системами восприятия, имеющими выход в грамматику и потому нередко носителями языка воспринимаемыми на подсознательном уровне как фон, дело обстоит не столь просто. Между тем и у лингвистов эта область расхождений между датским и норвежским не вызвала должного интереса. Можно утверждать, что избранный для исследования материал удачен в нескольких отношениях.

Во-первых, для скандинавистики важно выявить тонкие отличия, существующие между близкородственными языками. Контрастивные исследования позволяют это сделать. «За вычетом общей, обусловленной генетическим родством основы остается обозримый ‘остаток’,

⁷ Andersen J. Velduftende viking // Dagbladet. 15.10.2004.

⁸ Gram N. H. C. Andersen og norske troll // VG. 01.04.05.

проявления которого и составляют специфику системы одного из близкородственных языков в отличие от системы другого»⁹.

Во-вторых, хотя переводы как материал контрастивных исследований неоднократно привлекали к себе в том числе и критическое внимание лингвистов по ряду аспектов, здесь не место подробно останавливаться на плюсах и минусах этого метода; главное же преимущество его то, что «переводы дают нам интересные ключи к функциональным соответствиям между языками, которые могли бы остаться невыявленными, будь сравнение ограничено оригинальными текстами или интроспективными суждениями по поводу эквивалентности»¹⁰.

И наконец, поскольку в течение нескольких десятилетий с момента опубликования оригиналов сказок разница между датским и датско-норвежским языками была минимальной и состояла в использовании в норвежских текстах ограниченного набора слов для обозначения специфически норвежских реалий, а также некоторых синтаксических конструкций, представляется благодатной возможностью проследить за развитием новых и утратой существовавших на тот момент значений у служебных слов.

Разумеется, существует и такая сложность, как изменения в самом датском языке, произошедшие за полтора столетия. Однако в фокусе нашего внимания здесь развитие норвежского языка. По этой причине, а также в связи с ограниченным объемом публикации от указанного обстоятельства мы отвлекаемся.

Контрастивный анализ текстов на близкородственных языках позволяет выявить тонкие смысловые различия в этой сфере. Многочисленные переводы сказок Андерсена, сделанные с одного и того же текста разными переводчиками в разное время, позволяют наглядно продемонстрировать возможности такого подхода. Для настоящей работы были взяты сказки Ханса Кристиана Андерсена «Огниво», «Стойкий оловянный солдатик», «Соловей» и «Гадкий утенок». Использовались тексты датских оригиналов «Fyrtoiet», «Den standhaftige Tinsoldat», «Den grimme Ælling», «Nattergalen» с интернет-сайта копенгагенской Королевской библиотеки¹¹, а также их переводы на

⁹ Никуличева Д. Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. М.: СПб., 2000. С. 14.

¹⁰ Johansson M. Clefts in English and Swedish. Lund, 2002. P. 207.

¹¹ www.kb.dk/elib/lit/dan/andersen/eventyr.dsl.

норвежский язык: три перевода «Огнива», по четыре — «Солдатыка» и «Соловья» и пять — «Утенка»¹².

Всего было рассмотрено параллельно 118 датских примеров и более 500 их переводов на норвежский.

В качестве объекта исследования выбраны основные пространственные предлоги — *i, på, fra, ved* (а также употребляющийся совместно с наречиями *av*), и наречия, обозначающие место действия и направление действия; местоименные *her, der, hit, dit* и образующие однокоренные пары, где один член указывает местоположение, а второй — направление движения. Их набор в датском и норвежском совпадает (для экономии места мы будем давать их в норвежской орфографии). Это *inn — inne* ‘внутри — внутрь’, *ut — ute* ‘снаружи — наружу’, *opp — oppe* ‘вверх — вверху’, *ned — nede* ‘вниз — внизу’, *fram — framme* ‘вперед — впереди’, *bort — borte* ‘прочь — вдали’, *hjem — hjemme* ‘домой — дома’, а также *hen — henne* и *bort — borte*. Последние в двуязычных словарях обычно переводятся как ‘прочь — далеко в стороне’ и ‘вдаль — вдали’, «туда, прочь — туда, по направлению к» и «прочь — вдали»; такие переводы не передают семантической специфики указанных единиц; в некоторых словарях вместо русского эквивалента предлагаются примеры.

Наречия, приведенные в парах первыми, при глаголах (в частности, движения и помещения, а также чувственного восприятия) выступают в функции поствербов. «Конструкция глагол + постverb <...> является отличительной чертой скандинавских языков»¹³. В том случае, если при глаголе имеется объект, выраженный существительным или субстантивной группой, указывающий также, куда или откуда осуществляется перемещение или исходит воздействие, в большинстве случаев необходимо кроме постверба употребить и предлог.

¹² Источники норвежских текстов: Eventyr. På norsk ved Oskar Braaten. Oslo, 1982 (Fyrtøyet, Tinnsoldaten, Den stygge andungen, Nattergalen); Andersen H. C. Eventyr og historier. Oversatt av Odd Bang-Hansen. Oslo, 1996 (Fyrtøyet, Tinnsoldaten, Den stygge andungen); переводчик Ragnar Arntzen специально для сайта <http://www.fag.hiof.no/lu/fou/HCA/eventyr.html> (Den standhaftige tinnsoldat, Den stygge andungen); Andersen H. C.: 1) Nattergalen. Til norsk ved Kyriakos Chrysostomidis. Oslo, 1990; 2) Nattergalen. Til norsk ved Iselin Rosjø Evensen. Oslo, 1993; 3) Prinsessen på erten og andre eventyr. Oversatt av Johann Grip. Oslo, 2005 (Den stygge andungen); переводы без указания их автора на сайте <http://www.midtblinken.net/eventyr/andersen.html> (Fyrtøyet, Tinnsoldaten, Den stygge andungen, Nattergalen).

¹³ Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002. С. 241.

Выбор при этом, если речь идет о попадании внутрь вместилища, а не только приближении к нему, осуществляется из предлогов *i* ‘в’ и *på* ‘на’ в первом случае, *av* ‘из’ и *fra* ‘от’ — во втором.

Очевидно, что комбинаций поствербов с предлогами оказывается достаточно много. Сложность при этом представляют три момента: в ряде случаев предлог опускается и используется один только постверб, который при этом, как обычно считается, выполняет сразу две функции — постверба/предлога; не до конца ясно, чем определяется выбор как самого предлога, так и сочетания постверба с предлогом; отсутствует симметрия в выборе постверба и предлога при описании ситуаций с движением внутрь объекта и из/от него. В скандинавистике уже отмечались различия в облигаторности поствербов в датском и норвежском, при этом норвежский труднее поддается систематизации¹⁴. Обращение к ряду текстов, призванных передать средствами норвежского языка смысл, заключенный в тексте датском, как представляется, может способствовать прояснению ряда обстоятельств.

Практически все выражения с интересующими нас единицами, употребленные в оригинале, оказались представленными в том или ином из переводов или в нескольких из них, что подтверждает положение о большой вариативности норвежского языка в данной сфере по сравнению с датским и шведским. Об индивидуальных предпочтениях переводчиков речи нет, поскольку такие варианты sporadически разбросаны по текстам разных авторов. Тем не менее преобладают переводы, в которых один или оба из элементов сочетания наречие + предлог заменены. Это касается следующих элементов, которые будут рассматриваться в порядке убывания частотности явления.

Вначале обратимся к структурно-синтаксическим отличиям. Там, где в датском в чисто обстоятельственной функции (а не как заполнитель глагольной валентности) при существительном употреблен чистый предлог (в основном это *i*, *på*, *fra*, *gjennom*, *til*) без наречия, в норвежском добавлено наречие, конкретизирующее местоположение: *glide igjennem* → *fire deg ned*, *gli ned igjennom*, *ned gjennom*; *i Vand til Halsen* → *i vann opp til halsen*; *kom til Keiseren* → *kom frem til keiseren*.

Потребность в наречии столь императивна, что даже при невозможности указать точное направление, добавляется наречие *bort*,

¹⁴ См. об этом: Никуличева Д. Б. Указ. соч. С. 186–209.

маркирующие движение как таковое: *er langt fra dig* → *er langt borte fra deg*, *så langt borte fra deg*; *faaet Døden fra* (mit Hjerte) → *tatt døden bort fra*, *fått døden vekk fra*, *fått døden bort fra*.

Другой выход — использование предлога с более узким пространственным значением: *i disse (Grenerne)* → *oppe mellom*; *I (sivene)* → *→ mellom*.

Уточняющие местоположение наречия добавляются норвежскими переводчиками и там, где в датском употреблены *her/der*: *der er lyst (i Gangen)* → *der nede*; *der sitter den (i Træet)* → *der oppe sitter den*.

Эта тенденция точно обозначать направление проявляется в норвежском и при глаголах движения в том, что в ряде случаев в переводах наречие-частица появляется там, где в датском ее вообще нет: *drysse* → *drysse ut*; *Soldaterne marchere* → *marsjerte forbi*.

Имеются отличия и в употреблении самих этих предлогов. *På* используется в ряде случаев там, где в оригинале использован *i*: *midt i (gevandt)* → *midt på (skjørtet)* у всех переводчиков.

В некоторых случаях это объясняется лексической сочетаемостью определенных существительных. Так, со словом *kjøkken* в норвежском чаще всего употребляется *på*, если позиция наблюдателя не в фокусе высказывания¹⁵.

Предлог *ved* в большинстве переводов заменен на *på*: *Klokker ved Blomsterne* → *på* во всех переводах, кроме одного. Это служит подтверждением факта, что использование его для обозначения пространственных отношений воспринимается как устаревающее или по меньшей мере книжное. В современном норвежском он используется в первую очередь для обозначения иерархических отношений в социуме и приблизительно соответствует русскому *при*. Употребление *ved* при наличии наречий-предлогов с более конкретным пространственным значением также воспринимается как излишнее: сочетание *bag ved Døren* всеми без исключения переводчиками переведено как *bak døren/døra*; *paa Grenen der ved Vinduet* → *på g utenfor v*; *Sang lød tæt ved Vindue* → *sang kom borte fra vindue*, *lød utenfor vinduet*, *lød rett overfor vinduet*; *tæt ved* → *→ foran ham*, *like ved*, *like ved siden av*; *(et stort Træ) ved siden* → *(et tre) bortenfor*.

¹⁵ Об этом подробнее см.: Ливанова А. Н. Выбор терминов пространственной локализации при разнотипных объектах // Материалы XXXIII междунар. филол. конф. Вып. 1. Ч. 1. СПб., 2004. С. 44–47.

Норвежские переводы демонстрируют схожее развитие семантики — от конкретной к абстрактной — у предлога *af* (*av*). В норвежском этот предлог остается лишь для обозначения авторства и в ряде устойчивых коллокаций — *ut av*. Однако и в последнем случае *ut av* употребляется строго в тех случаях, когда что-либо появляется из небольшого отверстия во вместилище; в случае, когда ситуация позволяет иначе передать характер пространственной ситуации, употребляются более точные слова: *ut gjennom, frem på* и др.: *ud af Buskene* → *ut fra, frem fra; fløi ud af (Vinduet)* → *ut gjennom vinduet; skinnede ud af Vinduerne* → *→ inn gjennom; sprang ud af sengen* → *spratt opp av senga; Sveden sprang ham ud af Panden* → *fram/frem på pannen*. Для обозначения части или свойства физического объекта вместо *av* используется предлог *på*: *Foldene af Gardinerne* во всех переводах — *foldene på gardinene*.

Из функционально-семантических отличий бросается в глаза замена датского *hen* в самых разных синтаксических позициях и в сложных словах норвежским *bort* или, реже, опущение *hen* без какой-либо замены: *fløi hen og* → *fløy bort og; hen, hvor jeg har boet* → *bort dit hvor jeg bor, hjem til meg; gaar hen og* → *gå bort og, rett bort og; løb hen for at* → *skyndte seg bort for å, satte av gårde for å, løp ut for å; stillet hen i Vinduet* → *satt bort i vinduet; løb hen til* → *sprang bort til; henad landeveien* → *bort etter, bortover; svømmede hen imod* → *svømte bort til, bort mot; lige hen mod Muren* → *like mot gluggen, like bort mot vinduet, helt bort til muren; flyve hen til* → *fly bort til; fløi henover Hegnet* → *fløy over hekken, over gjerdet, bort over gjerdet; Røg hang langt hen over Vandet* → *lavt nedover, over; derhenne* → *der borte; henne fra Slottet* → *helt borte fra slottet*.

Это подтверждает как вывод о том, что наметившееся на этапе норвежско-датского языка развитие противопоставления аспектуального противопоставления глаголов частицей-наречием *hen/henne*, не будучи поддержано системой языка, не получило в нем развития, *hen*, хотя и остается абсолютно понятным для норвежцев, самими ими используется в основном в составе устойчивых сочетаний в разговорной речи¹⁶.

¹⁶ Ливанова А. Н. Нереализованные возможности *hen/henne* в норвежском языке // Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 88–92. О *bort* как показателе важности для говорящего ориентации действия/ситуации относительно позиции наблюдателя см.: Ливанова А. Н. О семантике наречий-частиц *bort* и *borte* в норвежском языке // Научные чтения — 2006: Материалы конф. СПб. (В печати).

Появление такого большого числа *bort* на страницах норвежских переводов, видимо, вызывало некий дискомфорт у их авторов и побуждало избавляться от андерсеновских собственных там, где это возможно (т. к. с точки зрения современного узуса его в этих случаях вполне можно было сохранить), заменяя (*fløi bort* → *fløy sin vei*; *langt borte* → *langt unna*, *langt vekk*) или даже совсем убирая, что, вообще-то говоря, норвежскому совершенно не свойственно (*flytte bort fra* → *fra*).

Наибольший разброс наблюдается в переводе терминов, обозначающих менее важные пространственные отношения и потому менее частотных (*om*, *rundt* (*om*) и *rundtomkring*). Во всех случаях находится по меньшей мере один перевод, где термин сохранен; там, где он заменен (нередко на другой, но из того же набора, что перечислен выше, плюс редкие *overalt* и *rundt og rundt*), не представилось возможным выявить какой-либо системности, за исключением разве что низкой частотности *rundtom* в норвежском.

Рассмотрим семантические отличия, связанные с различной концептуализацией пространственных отношений действительности.

Наиболее ярко проявляется такая специфическая особенность норвежского, как конвенциализация наречия-частицы *uti* для обозначения ситуаций, связанных с переходом одушевленных объектов из сухопутной или воздушной среды в водную или с нахождением в водной среде. Такое обозначение ситуации настолько привычно, что в общем случае после наречия-частицы не требуется существительного, обозначающего водоем, т. к. понятно и без него, что речь идет о воде (как в последнем примере). Во всех случаях, когда речь идет именно о такой ситуации, переводчики заменяют разные датские выражения на *uti*: *faae dem ud* → *uti*; *sparke ham ud* → *uti*; *plumpede ud efter* → *plumpet uti etter*; *ude* → *uti*; *sprang i Vandet* → *plumpet uti*, *hoppet ut i*. Исключение составляет последний пример, где в двух переводах стоит *hoppet i* (что вполне может объясняться следованием оригиналу).

Употребление *uti* настолько укоренилось в норвежском для описания именно этой ситуации, что там, где у Андерсена ситуация иная (дети бросают хлеб *ud i Vandet*), некоторые переводчики производят замену на *ned i*.

Еще одна важная конвенциализация касается обозначения ситуаций с резким спуском с высоты независимо от того, в какой среде это происходит, и обозначается норвежским составным наречием-пред-

логом *utfor: ned af et Vandfald* → *utfor en foss* в большинстве случаев, при сохранении же наречия *ned* все же заменяется предлог: *nedover en foss*. Отметим, что в данном случае в норвежском произошло и достаточно редкое явление субстантивации наречия-предлога в значении «скоростной спуск» (вид спорта).

Менее устойчивой оказывается тенденция при указании на помещение объекта внутрь вместилища с высокими относительно размеров объекта краями использовать сочетание наречия *opp* с предлогом *i* (или в слитном написании *oppi*): *fløi i Truget* → *opp i smørtrauet, rett opp i trauet, ned i smørtrauet*. Возможным объяснением является неочевидность для говорящего указанного соотношения высот, что позволяет по-разному трактовать траекторию движения, которое необходимо произвести; в последнем случае реализуется, вероятно, ситуационная схема, для которой важно расположение вместилища ниже уровня груди наблюдателя¹⁷. Фразеологизированным датским словосочетаниям со значением «смотреть прямо перед собой» — *se lige ud (T)* — в норвежском соответствует *se rett fram/frem, a fare ind på* ‘наброситься на’ у двух из трех переводчиков заменено на *fare løs på*, что соответствует современному узусу.

В данной статье кратко сообщается лишь об основных результатах проведенного исследования. Однако и они позволяют сделать некоторые обобщения относительно характерологических расхождений между датским и норвежским языками в сфере отражения языком пространственных отношений (датчане и норвежцы вполне могут «узнать друг друга по языку», даже если будут обращать внимание только на термины пространственной локализации), а также подтвердить ряд ранее сделанных выводов относительно функционирования терминов пространственной локализации в норвежском языке, сделанных ранее без привлечения контрастивного материала.

¹⁷ *Ливанова А. Н.* О терминах пространственной локализации при глаголах помещения в норвежском языке // Материалы XXXIII межвуз. конф. препод. и аспирантов. Вып. 4. Ч. 2. СПб., 2001. С. 14–18.